

Как просто все-таки принимаются решения в юности. Просто — не в том смысле, что легкомысленно и необдуманно. Просто — когда непоколебимая уверенность в своих силах, в своих возможностях не допускает и тени сомнений, связанных с правомочностью принятого решения, с правомочностью избранного пути.

Девушка училась на дирижерском отделении музыкального училища, а еще раньше занималась по классу фортепиано в музыкальной школе. И пела, конечно. Потому что просто любила петь. Всегда любила. Но это еще ничего не означало, потому что петь любят многие — для родных, для друзей, для души, наконец. Думала ли она, что пение станет ее профессией, неисчерпаемым источником полного комплекса эмоций — от радостных до горестных? Разве вспомнить, разве воссоздать в реальности тот хаотичный рой надежд и планов, что гнездилися, пестрый и противоречивый, в юной головке? Есть факт: связала себя с музыкой, училась на дирижерском. А тут подруга — «Давай перейдем на пение». И перешли.

А потом — консерватория. Конечно, уже по классу вокала. Казалось бы, абзац, приготовленный для бодрого и оптимистичного: кто ищет, тот всегда найдет. Кто станет спорить? Святая правда! Хорошо при этом, если в тебе увидят, если найдут в тебе еще и другие — те, от кого напрямую зависят результаты твоих собственных поисков и находок.

В консерватории Хельви сначала не только не нашла, но даже потеряла. Потеряла голос. Не нужно, наверное, объяснять, что это значит для певца.

Как потеряла? У меня высокая сопрано, а меня учили на меццо-сопрано. Так что весьма прозаично для певицы потеряла, если принять во внимание один-един-

ВСЕ РЕШИЛ СЧАСТЛИВЫЙ ВИСОКОСНЫЙ

«Женитьба Фигаро» Моцарта, «Похождения повесы» Стравинского, «Женитьба» Мусоргского, «Волшебный стрелок» Вебера, «Эстонские баллады» Тормиса... Это не просто выборка из афиш, которая несколько лет назад представляла репертуар ГАТ «Эстония». Названные спектакли подарили поклонникам оперного искусства новое имя — Хельви Раамат. Это потом уже была стажировка на знаменитой сцене театра Ла Скала. Потом была Луиза Миллер из одноименной оперы Верди и Микаэла из «Кармен», Маженка из «Проданной невесты» Сметаны и, наконец, вагнеровская Сента, которую певица считает своей сегодняшней вершиной. А ведь было время, причем, весьма недавнее, когда все только начиналось...

ственный факт: не повезло с педагогом.

В результате всех мытарств попала к Линде Сауль, педагогу настоящему, настоящему специалисту по высоким голосам — основные сопрано республики от нее идут. И вот тут начались настоящие обретения. Хотя, с другой стороны, тоже как посмотреть: закончила консерваторию — и опять все сначала. Потому что театр — это уже совсем другое. Нет, конечно, все годы учебы она работала параллельно хористкой в театре, как это принято. И данные у нее хорошие были — природа богатая. Впрочем, кто не знает, что на одной природе далеко не уедешь. И кто не знает, что нет такого хориста, который бы не стремился стать солистом. Каждый знает. Не каждый прошел этот путь. Хельви Раамат прошла. Постепенно, шаг за шагом. И даже точно

называет год, который стал для нее переломным, — високосный 1980 год. Когда приняли в театр солисткой. Когда стала лауреатом межреспубликанского конкурса молодых исполнителей в Минске. Когда стало ясно, что на сцене Большого театра в Москве нужно будет доказать Ирине Архиповой, Евгению Нестеренко и другим членам высокой комиссии, что она достойна стажировки в Ла Скала.

— Что для этого нужно было?

— Вначале нужно было петь. Я не о том кратковременном пении, что для комиссии. Я о том, что — дома, в Таллине. О том, что — долго. Вначале нужно было петь. Ну, а потом уже, конечно, собраться и случайно не провалиться.

Она прошла конкурс. И уехала в Италию. И училась там. И была первой эс-

тонской певицей, которая выступила на сцене Пикколо Скала в «Мавре» Стравинского.

— Я знаю, что вы сейчас спросите. Я и сама об этом часто задумываюсь. Эта стажировка дала мне кругозор, очень необходимую для певца, для артиста вещь. И еще... Итальянская школа — что-то вроде реликвии для нас, итальянские певцы — как боги. Здесь есть некоторая чрезмерность. Я убедилась в том, что средний профессиональный уровень наших певцов гораздо выше. Звезды первой величины — там. Но вокальное мастерство подтверждают не только звезды, уверяю вас. И потом... реклама — «божественная, несравненная...». С рекламой, должна сказать, там все в порядке.

А вернувшись из Ла Скала, она спела партию Луизы Миллер, которую учила еще

в Италии. Событие? Да. И победа, конечно. И жалеет Хельви, что эта опера сейчас редко идет, всего один раз в истекшем сезоне она ее пела. Но не будем торопиться с восклицательными знаками. Вслушаемся и в аргументы иного порядка: ранний Верди, в чем-то еще примитивный, не достигший пока совершенства в вокале. Конечно, Верди есть Верди — классик. Прошедший мучительный путь — с тем, чтобы последующие поколения захлебнулись от восторга. Верди есть Верди. А есть певец, который исполняет его, раннего, и каждой клеткой своей чувствует, как шел он к себе, позднему. Певец, который своим собственным аппаратом преодолевает все неровности на пути его, вердиевского, становления. Кто об этом вспоминает и говорит? Говорят о певце, который спел Верди-классика, как спел, насколько удачно...

...А Хельви Раамат бредит своей Сентой из «Летучего голландца». И безостановочно может говорить о глубинности вагнеровской музыки, такой трудной и такой красивой.

— Сколько раз я ее слушала! А если другие поют, и я сижу в зале... не передать, мороз по коже. Вот композитор без компромиссов: все сделано — и как!

Как о живом, ныне здравствующем. Как о соучастнике в акте сотворчества.

— Сильная музыка, прямо-таки зверски сильная! Голоса требуют, умения петь, а еще знания законов немецкой музыки.

И тут же — от эмоций к раздумьям:

— Конечно, без Линды Сауль я бы ничего не поняла. Это благодаря ей — законы именно немецкой музыки, музыки, которая требует особого склада мышления. Вагнера бездумно не споешь, здесь напряженно думать надо, а не только выводить нечто простое и красивое.

Хочется его петь и петь. А часто — нельзя. Такой композитор, что нервная система не может так быстро восстановиться, чтобы настолько же ярко, свежо преподавать новый спектакль.

— Вам много приходится заниматься пением?

— Ровно столько, что когда приходишь домой, уже радио, по которому музыку передают, включать не хочется.

— А на что же вы переключаетесь?

— На хороший фильм, например.

— И «мультики» любите?

— Оч-чень! — смеется она.

Вопрос — не случайный. Муж Хельви — известный эстонский мультипликатор Рейн Раамат. Основоложник рисованного кино в нашей республике. К слову, совсем недавно на Всесоюзном кинофестивале в Киеве его фильм «Ад» получил первый приз. Но мы говорим не о призах. Мы говорим с Хельви о той ювелирности, о филигранности, которой требует работа мультипликатора. И от самого понятия «филигранность» незаметно для нас обеих вновь переходим к оперному искусству, — к «Летучему голландцу», к его постановщику, режиссеру из ГДР Дэтлифу Рогге, который «проделал с артистами филигранную работу прежде чем спектакль по-настоящему зазвучал и по вокальному, и по артельному ряду». Говорим о многом другом, что не может не волновать человека, которому еще предстоит прожить долгую жизнь в искусстве. При том, что не только от него зависит, насколько счастливой и наполненной она будет. Не очень веселый, в общем-то, получается разговор. Но Хельви улыбается, и улыбка ей идет. А я думаю о том, что пока — тьфу, тьфу, тьфу! — все у нее складывается удачно.

Элла АГРАНОВСКАЯ.

Фото Дмитрия ПРАНЦА.